

13 ИЮН 1978

ТРИ ВЕЧЕРА подряд актерская студия Государственного русского драматического театра ЭССР показывала свои дипломные спектакли. А потом были поздравления, цветы, напутствия — выпускникам торжественно вручали свидетельства. Один за другим подходили они к столу комиссии, улыбающиеся, нарядные, упоенные своим первым актерским успехом. Хотелось радоваться за этих людей, самоотверженно влюбленных в театр, но радость уступала место и тревоге: как сложатся их судьбы? Ведь теперь им кажется, что путь их лежит только в большое искусство. Трех зачислили в труппу театра. А остальные? Что будет с остальными, не просто любящими театр, но, что гораздо сложнее, «отравленными» театром?

Это был самый главный вопрос, с которым я направились к преподавателю студии, режиссеру двух дипломных спектаклей Владимиру Лаптеву. Ответ на него вылился в долгий разговор — о студии и студийцах, о том, как протекал процесс становления характера, как постепенно проявлялись возможности этих ребят и появлялись основы мастерства.

Три года назад из 248 претендентов в студию приняли 27 человек. За это время пятеро из них поступили в театральные вузы страны, один был призван в армию, четверо ушли по семейным обстоятельствам, двоих отчислили за неуспеваемость. Свидетельство об окончании студии получили 15 человек. По актерскому мастерству ни один из них ниже «четверки» не получил. Кроме этого предмета, ребята прошли курс марксистско-ленинской эстетики, истории театра, изобразительного искусства, сценической речи, движения, пения, овладели основами профессии гримера. Всего — 2768 часов. Это — из области статистики. Из области перспектив — никаких льгот при поступлении в театральные учебные заведения свидетельство не дает. К актерскому диплому оно тоже, естественно, не приравнивается.

— Некоторые ребята, уже став студийцами, думали, что занятия у нас будут сродни драмкружку, клубной самодеятельности, — рассказывает Владимир Лаптев. — И с самого начала нам с заведующим студией, преподавателем мастерства П. М. Любаровым предстояло их в этом разубедить.

И начались занятия. Это официально им было отведено 2768 часов. А сколько было неофициальных. По идее мы занимались по 5 часов 5 раз в неделю. Суббота и воскресенье — выходные. Но именно в эти выходные ребята с утра до ночи и торчали в театре, они были готовы не выходить отсюда сутками, даже когда романтический настрой стал ослабевать.

И все-таки я не склонна думать, что этот романтический настрой прошел полностью, хотя требования к студийцам были не просто повышенными — жесткими. Им не делали ни малейших поблажек ни преподаватели, ни художественный руководитель студии, ни главный режиссер театра В. Г. Чермев, который не только принимал экзамены, но бывал на занятиях, разбирал их.

Первый экзамен был спустя четыре месяца. Студийцы показывали этюды, придуманные ими самими — небольшие «квочки из жизни». Основная задача — продемонстрировать свои возможности, умение, наблюдательность. Только после этого можно было приступить к настоящей работе — композиции по рассказам В. Шукшина, которую называли «Брат мой». В нее были включены интервью, статьи, все так или иначе связанное с творчеством Шукшина. Этими отступлениями связывались его рассказы. Материал был очень богатый, но инсценировка оказалась скучной, как признают и преподаватели, и студийцы. Она была ближе, понятней, скорее литераторам, чем людям театра и просто зрителям. Не понравилась она и художественному руководителю студии — Чермев предложил взять и постановке «Характеры» Шукшина. Этот спектакль тоже не показали публике, хотя он был несравненно лучше, чем «Брат мой», и сознательно не показали. Шукшин был для ребят не просто автором — он стал школой понимания человеческой души. С него начался путь на сцену.

Трудовой путь, который через два с лишним года привел студийцев к дипломным спектаклям — пьесе А. Островского и П. Невежина «Блажь», сценической композиции по комедиям Ж.-Б. Мольера «Экспромт» и инсценировке повести В. Быкова «Третья ракета».

Не ставлю своей задачей цензурировать эти спектакли: дипломные работы все же не дают полного представления о

том, что действительно научились делать те, кому еще только предстоит стать актерами. Ребята «выкладывались» на экзамене, в чем-то истощив себя, где-то недотягивая от волнения. И стремление продемонстрировать, что они умеют, наверное, помешало показать, чему они действительно научились.

Недостатки спектакля «Блажь» хочется отнести за счет неверных сокращений пьесы и отсутствия точного режиссерского задания, потому что студийцы «существовали» в спектакле достаточно достоверно. Что касается «Третьей ракеты», то в редких, но досадных промахах этой работы, на мой взгляд, не может быть вины ни режиссера, ни актеров — сама проза Василия Быкова, ее тонкая психология, неисчерпаемая глубина характеров не поддаются инсценированию. Искренность и правдивость — только это могло спасти и спасло инсценировку. И почти все исполнители наши два-три штриха, которыми точно были обрисованы ха-

ПУТЬ НА СЦЕНУ

актеры героев.

Самое яркое впечатление оставил «Экспромт». Не только потому, что режиссер Владимир Лаптев (который сейчас пишет диссертацию на тему «Режиссура построения характеров») вложил в этот спектакль личные свои наблюдения, преломил в нем накопленный интеллектуальный багаж и сценический опыт. И не потому, что в основу спектакля положена комедия масок, комедия «дель арте», а это всегда зрелищно. Студийцы обрели в этом спектакле полную раскованность. На сцене играли театр в театре. И в этом, втором театре, был еще третий — не только для зрителя — друг для друга, для себя.

«Экспромт» действительно оставлял впечатление экспромта, импровизации, и это лишний раз убеждало в том, что многочисленные этюды, близкое знакомство с классикой стали для ребят хорошей школой. Школой, верной в своей основе. Ведь только тогда сценический материал становится достоверным, когда пропускаешь его через себя. Их этому научили.

Так что же ждет бывших студийцев?

Об актерских работах я до сих пор не говорила умышленно. Самые интересные принадлежат Александру Ружину, Светлане Дорошенко, Олегу Федорову — их-то и взяли в театр. Теперь за актерами — слово на большой сцене. Будет работать в театре и Екатерина Егорова — она, можно сказать, выросла за кулисами. В спектакле «Блажь» наиболее ярко проявила свое дарование Ирина Гайнова. Ей всего 19 лет, поэтому преподаватели студии советуют Ирине поступать в театральный институт. Профессиональная сцена ждет 19-летнего Олега Рогачева — он будет работать в Севастопольском театре. А бывший студиец инженер-экономист Виктор Давыдов собирается поступать на режиссуру, пока же он будет заниматься со своими преемниками — студийцами нового набора. А две Татьяны — Степанова и Нисковских — собираются ехать в Москву на актерскую «биржу». Таня Степанова даже сказала, что готова всю жизнь играть «кушать подано», лишь бы быть на сцене...

Лишь бы быть на сцене — та самая опасность, обратная медаль влюбленности в театр, о которой я говорила вначале. Всем ли удастся быть на сцене? Хорошо, если так. А если не получится? Как они переживут неудачу? Что станут делать? Эти вопросы не могут не волновать театр, который выпустил из-под своего «крылышка» первых питомцев.

— Чему мы их научили, — продолжает Владимир Лаптев, — это покажет время. Но мы, преподаватели, научились многому за эти три года. И все полученные уроки учтем при будущем наборе. Установим возрастную цензу, будем работать целенаправленнее. А в конце курса выпустим наверняка один спектакль с ребятами, которые точно останутся у нас в театре.

Э. АГРАНОВСКАЯ.